

Павликов С.Г.

## АКТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЗНЬ)

**Аннотация.** По инициативе Верховного Суда Российской Федерации был разрешен на основе применения норм международного права один из самых важных для правоприменительной практики вопросов, связанных с обеспечением конституционного права на жизнь. Вопрос о возможности применения в России смертной казни как исключительной меры наказания обсуждается в стране с 1993 г., когда была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации. Проблема существования смертной казни как вида уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений является предметом научных дискуссий. При написании данной статьи использовались следующие научные методы: герменевтический метод, системный метод, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительно-правовой метод и другие методы, используемые при проведении правовых исследований. В статье анализируется проблема соотношения актов национальных судов и международных документов на примере наиболее «интрузивной» сферы государственного управления и властного воздействия, связанного с возможностью применения смертной казни. По мнению авторов статьи, вектор развития судебной практики Верховного Суда России может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека.

**Ключевые слова:** Конституция, Верховный Суд, постановление, пленум, Европейская конвенция, конвенция, протокол, права, человек, смертная казнь.

**Review.** The initiative of the Supreme Court of the Russian Federation has allowed to resolve one of the most important law enforcement issues related to the constitutional right to life based on the implementation of the provisions of international law. The question about the death penalty in Russia as an exceptional measure of punishment has been discussed by the academic community since 1993 when the present Constitution of the Russian Federation was adopted. The problem of death penalty as a type of criminal punishment for extremely severe crimes still remains the matter of lively scientific discussions. In the process of writing this article the following research methods have been used: hermeneutical approach, systems approach, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, comparative law method and other methods that are usually used in legal research. The author of the article analyzes the problem of the relation between acts of national courts and international acts on the example of the most «intrusive» sphere of government administration and influence associated with the death penalty. According to the author of the article, further development of legal precedents of the Supreme Court of Russia may lead to a higher level of protection of the human rights and freedoms.

**Keywords:** rights, Constitution, protocol, Supreme Court, resolution, plenary assembly, European Convention, Convention, person, death penalty.

**Н**ациональные суды и, прежде всего, Верховный Суд Российской Федерации делают обобщения судебной практики, в которых опирается на положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., другие нормы меж-

дународного права. Верховный Суд Российской Федерации систематически на уровне Пленума дает в соответствии с положениями норм международного права и международных обязательств Российской Федерации разъяснения, к примеру, о сроках рассмотрения судами дел и т.п. [1]. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» приведены положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., предписывающие проводить разбирательство указанных дел в разумный срок, без неоправданной задержки.

По инициативе Верховного Суда Российской Федерации был разрешен на основе применения норм международного права один из самых важных для правоприменительной практики вопросов, связанных с обеспечением конституционного права на жизнь.

Вопрос о возможности применения в России смертной казни как исключительной меры наказания обсуждается в стране с 1993 г., когда была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации. Проблема существования смертной казни как вида уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений является предметом научных дискуссий [2].

Именно Верховный Суд России обратился с запросом в федеральный орган конституционного контроля, в результате чего было вынесено без преувеличения судьбоносное Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р (Вестник Конституционного Суда РФ. № 1, 2010). Суд указал, что положения п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии

права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной ст. 20 (ч. 2) российской Конституции, означают, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Инициатор обращения — Верховный Суд Российской Федерации — обоснованно просил разъяснить предписание п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П, поскольку полагал, что оно может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Неоднозначное понимание этого предписания, как счел заявитель — Верховный Суд Российской Федерации, обусловлено тем, что Российской Федерацией в соответствующих правовых формах выражено согласие с международно-правовыми актами, направленными на отмену смертной казни в мирное время: в частности, подписав 16 апреля 1997 г. Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация обязана, как того требует статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров, воздерживаться от действий, которые лишили бы данный Протокол его объекта и цели, до тех пор, пока не выразит своего намерения не стать его участником; между тем до настоящего времени

Российская Федерация не ратифицировала *Протокол № 6*, но и не выразила своего намерения не стать его участником.

Согласно *Протоколу № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод смертная казнь отменяется*; никто не может быть приговорен к *смертной казни* или казнен (ст. 1); государство может предусмотреть в своем законодательстве *смертную казнь* за действия, совершенные во время войны или при неизбежной угрозе войны; подобное наказание применяется только в установленных законом случаях и в соответствии с его положениями; государство сообщает Генеральному секретарю Совета Европы соответствующие положения этого законодательства (ст. 2); при этом не допускаются отступления от положений *Протокола* и оговорки на основании статей 15 и 57 *Конвенции* (статьи 3 и 4); *Протокол* подлежит ратификации, принятию или одобрению; ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы (ст. 7).

По состоянию на 1 ноября 2009 г. *Протокол № 6* подписан и ратифицирован 46 государствами — членами Совета Европы и вступил для них в силу. Российской Федерацией он был подписан 16 апреля 1997 г., и его предстояло ратифицировать (учитывая выраженное Россией при принятии ее 28 февраля 1996 г. в Совет Европы обязательство присоединиться к данному *Протоколу* не позднее чем через три года с момента вступления в Совет Европы) до 28 февраля 1999 г. Проект федерального закона о ратификации *Протокола № 6* был внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу 6 августа 1999 г. (одновременно с проектом федерального закона, предусматривающим внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации). «Ратификация указанного *Протокола*, — отмечалось в сопроводительном письме, — подтвердит приверженность Российской Федерации принципам гуманизма, демократии и права, а также будет

способствовать осуществлению установленных *Конституцией Российской Федерации* положений, касающихся защиты главного естественного права человека — права на жизнь» (письмо Президента Российской Федерации от 6 августа 1999 г. № Пр-1025). Распоряжением Президента Российской Федерации от 28 августа 2001 г. № 462-рп были назначены его официальные представители при рассмотрении палатами Федерального Собрания вопроса о ратификации *Протокола № 6*. Государственная Дума, в свою очередь, в феврале 2002 г. приняла обращение к Президенту Российской Федерации о преждевременности его ратификации.

Как указал Конституционный Суд России, тот факт, что *Протокол № 6* до сих пор не ратифицирован, в контексте сложившихся правовых реалий не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь. В соответствии со ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если: а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или б) оно выразило согласие на обязательность для него договора, — до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться.

Таким образом, Российская Федерация связана требованием ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишили бы подписанный ею *Протокол № 6* его объекта и цели, до тех пор, пока она официально не выразит свое намерение не быть его участником. Поскольку основным обязательством по *Протоколу № 6* является полная отмена смертной казни, включая изъятие из законодательства данного вида наказания за все преступления, за исключением «действий, совершенных во время войны или при неизбежной угрозе войны», и отказ от его

применения за тем же исключением, в России с 16 апреля 1997 г. *смертная казнь* применяться не может, т.е. наказание в виде *смертной казни* не должно ни назначаться, ни исполняться.

Также федеральный орган конституционного контроля указал, что выполнение обязательства не лишать *Протокол № 6* — как подписанный, но не ратифицированный *международный договор* — его объекта и цели возлагается на государство в целом. Если органы, представляющие какую-либо из ветвей государственной власти, допускают отклонение от этого обязательства, его соблюдение может быть обеспечено другими ветвями власти — исходя из принципа разделения властей и принципа согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти, гарантируемого Президентом Российской Федерации (ст. 10; ст. 80, ч. 2, российской *Конституции*), с тем чтобы выполнение государством в целом своих обязательств оставалось в рамках ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров.

Однако уже после того как Россия была принята в Совет Европы и подписала *Протокол № 6*, российские суды в отдельных случаях выносили смертные приговоры.

Важно отметить, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 (Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1. 1996) и от 10 октября 2003 г. № 5 (Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2003) ориентировали суды на применение вступивших в силу *международных договоров*. Так, в *Постановлении Пленума Верховного Суда России* от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 16.04.2013) «О некоторых вопросах применения судами *Конституции* Российской Федерации при осуществлении правосудия» указано, что «судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы *международного права*, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах,

Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и *международные договоры* Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 *Конституции* Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если *международным договором* Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила *международного договора*».

Как указал Конституционный Суд России, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не затрагивали правовую ситуацию, возникающую после подписания *международного договора* с условием его последующей ратификации. Что касается *смертной казни*, то в *Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации* от 27 января 1999 г. № 1 прямо было указано, что «*смертная казнь* как исключительная мера наказания может применяться за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь» (п. 20).

Вынесение судами смертных приговоров могло бы составить нарушение Россией ее обязательств по ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров в отношении *Протокола № 6*, однако, поскольку всякий раз имела место замена *смертной казни* в порядке помилования, осуществляемого Президентом Российской Федерации на основании ст. 89 (п. «в») российской *Конституции*, другим наказанием, не связанным с лишением жизни, решения судебной власти корректировались без вторжения в ее прерогативы, что позволило государству избежать нарушения своих международно-правовых обязательств. Этому способствовал и такой общеобязательный внутригосударственный правовой акт, как *Постановление Конституционного Суда Российской Федерации* от 2 февраля 1999 г. № 3-П, которое — хотя и было принято в связи с судебными процедурами назначения в качестве меры наказания *смертной казни* — по своей направленности не только соответствовало юридическим обязательствам, принятым на себя Российской Федерацией согласно ст. 18 Венской конвенции



о праве международных договоров в отношении Протокола № 6, но и усиливало их.

В дальнейшем Конституционный Суд Российской Федерации также рассматривал обращения, поступавшие от лиц, которым уже после подписания Россией Протокола № 6 вынесенное судом наказание в виде *смертной казни* заменялось в порядке помилования пожизненным заключением и которые ссылались не только на Конституцию Российской Федерации, но и на Протокол № 6. По этим обращениям Конституционным Судом Российской Федерации начиная с 2006 г. был вынесен ряд определений, в которых указывалось, что в связи с подписанием Российской Федерацией Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены *смертной казни* и принятием Конституционным Судом Российской Федерации Постановления от 2 февраля 1999 г. № 3-П (Российская газета. № 25, 10.02.1999) в настоящее время на территории Российской Федерации наказание в виде *смертной казни* назначаться не может и, следовательно, сложившаяся правовая ситуация не противоречит ни смыслу конституционных норм, ни смыслу международно-правовых обязательств Российской Федерации.

В связи с вступлением Российской Федерации в Совет Европы и подписанием Протокола № 6 предполагалось, что введенный на этой основе в правовой системе Российской Федерации временный мораторий на применение *смертной казни* — после ратификации Протокола № 6 (т.е. не позднее 28 февраля 1999 г.) — трансформируется в постоянно действующую норму, согласно которой никто не может быть приговорен к *смертной казни* или казнен. Одновременно с ратификацией Протокола № 6 соответствующие изменения, связанные с отменой этой санкции, должны были быть внесены в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство.

Поскольку Протокол № 6 до сих пор не ратифицирован, он как таковой не может рассматриваться в качестве нормативного правового акта, непосредственно отменяющего в Россий-

ской Федерации *смертную казнь* в смысле ст. 20 (ч. 2) Конституции. При этом в федеральном законодательстве сохраняются положения, предусматривающие данный вид наказания и, соответственно, процедуры его назначения и исполнения. Вместе с тем, как следует из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, *смертная казнь* как исключительная мера наказания, установленная Уголовным кодексом Российской Федерации, по смыслу ст. 20 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, допустима лишь в качестве временной меры («впредь до ее отмены») в течение определенного переходного периода. В настоящее время соответствующие положения Уголовного кодекса Российской Федерации не могут применяться, поскольку сложившееся в Российской Федерации правовое регулирование *права на жизнь*, основанное на положениях ст. 20 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее ст. ст. 15 (ч. 4) и 17 и включающее также решения федерального органа конституционного контроля, устанавливает запрет на назначение *смертной казни* и исполнение ранее вынесенных *приговоров*: в отношении запрета на вынесение *смертных приговоров* Российская Федерация связана конституционно-правовыми по своей природе обязательствами, вытекающими как из международно-правовых договоров, так и из внутригосударственных правовых актов, принятых Федеральным Собранием — парламентом Российской Федерации, Президентом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации гласит: каждый имеет *право на жизнь* (ч. 1 ст. 20). Такое *право* закрепляется почти во всех конституциях мира, международно-правовых документах: Всеобщей декларации прав человека (ст. 3) (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 //Российская газета. 10.12.1998), Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 6) (Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и поли-

тических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994), *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* (ст. 2) (Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950. (с изм. от 13.05.2004) // Бюллетень международных договоров. № 3, 2001).

«Это означает, — указал Конституционный Суд Российской Федерации, — что в Российской Федерации действует конкретизирующий закрепленные Конституцией Российской Федерации гарантии *права на жизнь* комплексный мораторий на применение *смертной казни*, который, по смыслу составляющих его правовых актов, первоначально предполагался в качестве краткосрочного. Вместе с тем данное правовое регулирование сохраняет свое действие более 10 лет (с момента принятия Россией на себя обязательств при вступлении в Совет Европы (28 февраля 1996 г.) и подписания *Протокола* № 6 (16 апреля 1997 г.), а также установления Конституционным Судом Российской Федерации (*Постановление* от 2 февраля 1999 г. № 3-П) прямого запрета — в отсутствие надлежащих процессуальных гарантий — на назначение *смертной казни*) и легитимировано сложившейся правоприменительной практикой, в том числе последующими решениями Конституционного Суда и решениями судов общей юрисдикции. Таким образом, в Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее правовых актов *смертная казнь* как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение *смертной казни*, элементом правовой основы которого является *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П во взаимосвязи с другими его решениями, сформировались устойчивые гарантии *права* не быть подвергнутым *смертной казни* и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит

необратимый процесс, направленный на отмену *смертной казни*, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т. е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации».

Итак, необходимо подчеркнуть роль и значение обращения *Верховного Суда* Российской Федерации в федеральный орган конституционного контроля, на основе которого при признании примата норм *международного права*, был разрешен один из самых важных вопросов, связанный с обеспечением конституционного *права на жизнь*.

Представляется, что перспективы соответствующей судебной практики *Верховного Суда* России также связаны с применением общепризнанных принципов и норм *международного права*. Это тем более актуально с учетом следующего обстоятельства: *право Верховного Суда* России осуществлять надзор за деятельностью нижестоящих судов служит гарантией того, что «последние не будут игнорировать устоявшиеся образцы правильного толкования закона»<sup>[3]</sup>.

Так, в *Постановлении Пленума Верховного Суда* Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции *Конвенции о защите прав человека и основных свобод* от 4 ноября 1950 года и *Протоколов* к ней», в частности, указано, что эти документы являются *международными договорами* Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в *Постановлении Пленума Верховного Суда* Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в *Постановлении Пленума Верховного Суда* Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм *международного права* и *международных договоров* Российской Федерации».

По мнению авторов статьи, вектор развития судебной практики *Верховного Суда России*, связанный с реализацией международных норм, в том числе с учетом сложившейся в конце 2014 г. сложной геополитической ситуации, будет во многом предопределен следующим справедливым указанием анализируемого органа государственной власти. «Обратить внимание судов на то, — отмечено в Постановлении *Пленума Верховного Суда Российской*

*Федерации* от 27 июня 2013 г. № 21, — что законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты *прав* и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми *Конвенцией* и *Протоколами* к ней в толковании Суда. В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 *Конвенции*, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации».

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лыгин Н. Я., Ткачев В. Н. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике: научно-практическое пособие. М.: Статут, 2012. 526 с. С. 85 и др.
2. Берлявский Л. Г., Тарабан Н. А. Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты // *Юридический мир*. 2013. № 1. С. 19–24.
3. Савельева О. А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20.

## REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Lygin N. Ya., Tkachev V. N. Mezhdunarodno-pravovye standarty i konstitutsionnaya zakonnost' v rossiiskoi sudebnoi praktike: nauchno-prakticheskoe posobie. M.: Statut, 2012. 526 s. S. 85 i dr.
2. Berlyavskii L. G., Taraban N. A. Pravo na zhizn' i problema smertnoi kazni: konstitutsionno-pravovye aspekty // *Yuridicheskii mir*. 2013. № 1. S. 19–24.
3. Savel'eva O. A. Rol' sudebnogo tolkovaniya v primenenii ugolovnoho zakona: Avtoref. diss... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 20.